

И стал декабрь над городом. В лотках
 дымятся пашльбки, но чай – не греет.
 Старухи в наспех связанных платках
 торгуют всякой всячиною, ею
 они кормиться будут до весны
 и умирать – безропотно и просто,
 не выдержав безмолвной белизны...
 Страна в сугробах, мы ей не по росту.

Ей – запрягать и снова в дальний путь,
 спасать Фому, не спасшего Ярёму.
 Нам – на стекло узорчатое дуть
 и пульс сверять по впадинам ярёмным,
 где голову случилось приклонить,
 а не случилось – так обнять и плакать.
 Пусть шар земной за тоненькую нить
 не удержат, так хоть стекло залапать.

Не нам стенать, что жизнь не удалась,
 таким не одиноким в поле чистом –
 здесь только снега безгранична власть
 и снегирей, приравненных к путчистам.
 Зима полгода, правила просты –
 верь в свет в окошке, не в огни таможен
 и просто чаще проверяй посты.
 Ползи к своим, хоть трижды обморожен.

МАМА, СТОЙ!..

словно пуля, не долетевшая в молоко,
 заблудилось в тумане утро среди осин.
 сотня дней,
 две-три пары сношенных мокасин –
 а не близко ещё до осени, далеко.

но недолго зато до старости – три рывка:
 для начала наш мальчик вырастет, башковит,
 не возьмут его пусть ни бешенство, ни ковид,
 и вся жизнь его будет чисто река-река.

пусть девчонка легко научится отпускать –
даже тех, кто был нужен больше воды в жару,
пусть сдирает со слов полезную кожуру
и настроит непрочных домиков из песка.

и останется малость, милость – на берегу
дом построить из камня прочный, цветы полить.
да, ещё бы вот эту женщину отмолить,
за которой я год за годом бегом бегу –

мама, стой!.. только юбка бьётся, как колокол,
хоровод отражений сводит меня с ума –
и уже не понять – где тень, где она сама.
словно пуля, не долетевшая в молоко.

НЕ НАШЕДШИЕ МОРЯ

а едва за порог – и опять на ходу замолчишь, как
наберёшь в рот воды, а она – не живая.
мой слепой поводиры,
иероглиф на солнце, мальчишка,
я иду за тобой, толпы верных врагов наживая.

что нам дом, мой хороший – соринка в глазу горизонта,
да предательский отблеск тревоги.
ты стоишь, огорошен – стирается линия фронта,
но врастают бинты в онемевшие руки и ноги.

что нам дымка над Обью – всего лишь седеющий ветер,
потускневшее эхо в опале, сиротская гордость
здесь к любому снадобью такой сладкой дури навертит,
что выходишь на шепот, на голос. недаром попали

в наши вещие песни – слова, из которых начало
молчаливые реки возьмут, не нашедшие моря.
до весны – хоть ты тресни, а смотришь – опять укачало:
не попасть нам, не целясь, в страну для не ищущих горя.

И ЗВЕНЯТ

слышишь, сердце стучит,
разбиваясь о колотый наст?
брось – молчи, не молчи,
наши пленные выдадут нас.

страх дожить до весны
пусть отпустит тебя, наконец,
в безымянные сны
королевства стеклянных сердец.

бог даётся с трудом
тем, кто песни поёт в нищете.
ты войдёшь в чей-то дом
и вернёшься на чьём-то щите.

дзильнь — и жизнь истекла.
а попробуй-ка, врежь ей
замки,
если дом — из стекла.
берегись, береги казанки.

раз уж сеть — божий дар,
так молись, забывая про стиль.
ты чего ожидал,
ведь никто никого не простил.

мы бежим на ловца —
видишь, некому нас извинять.
вот и бьются сердца
и звенят, и звенят, и звенят.

А НЕ ТЫ ЛИ

зачем нам туда где стихия с утробным рёвом
останемся в городе страшном огромном клёвом

где снова и снова стеклянного дома житель
стучит в небеса — дружите со мной кружите
качает в потёмках хлипкую занавеску
пейзаж перед тем как очень похож на врезку

сомкнулись края открытого перелома
у левой ~~ключицы~~ парадной чужого дома

да всё не в порядке пока ещё не с мотором
ведь я только текст сухой эпилог в котором
вмещаешься от инфанта и до инфаркта
нет смысла кричать что мне не хватило форта

вот разве что страха
сладко смотреться в пропасть
ведь что-нибудь подведет не мотор так лопасть

ты зря егозишь недолго уже осталось
лишь господу занозишь накопив на старость
покорности власти лести хмельного люда
прощён только самый дальний любивший люто

но кто сказал — рядом
рядом кто
а не ты ли?
встречаются взглядом ближние понятия

ОН БЫЛ ПОСЛЕДНИМ

Пишу тебе из будущей зимы —
теперь уж год, как ты не слышишь ветра,
твой рассветы глубже на два метра,
надеюсь, не темней. Молчит об этом
усталый некто из зеркальной тьмы —
похоже, что не знает...
Брат мой, где ты?..

А здесь – всё то же, стынет время «ч»
в пустынных парках, снегом не спасённых,
но сталкеры теперь уже вне зоны
и вне игры, и город полусонный
укачивает звёзды на плече,
а звёзды – холодны. И непреклонны.

Трамвайных рельсов меньше с каждым днём,
пути – короче, время – безмятежней,
в том смысле что, меняя гнев на нежность,
запуталось и претендует реже
на точный ход незагнанным конём.
И днём с огнём ты не найдёшь подснежник

в окрестных недорубленных лесах,
а жаль, хотя давно – никто не ищет.
Плодятся тени, заполняя ниши –
не амбразуры. Каждый первый – лишний,
и с каждым снегом тише голоса
ушедших без причины.
Тише, тише...

Блаженны те, кто твёрдо верит – нас-то
минует посвист зыбкой тишины.
Некрепко спят, объевшись белены,
адепты веры в полумеры, тьмы
шаги всё тише. Под окном тюрьмы
хрустят осколки звёздного балласта.

Шаги всё ближе...
Нет надёжней наста,
чем ветром опрокинутые сны.

СТРУЖКА

эти тени под глазами эти медленные руки
нам не сдать зиме экзамен
нас не взяли на поруки

и не в жилу божья помощь
мало в детстве нас пороли
позывные и пароли растеряли не упомнишь

скоро сказка станет басней
вечный вечер смотрит волком
с каждым выдохом опасней на снегу хрустящем колком

наши горы наши горки
мы застряли в средней школе
не пойму о чём ты что ли этот кофе слишком горький

обнимающим друг дружку
выжить бы не до блаженства
здесь мороз снимает стружку ради жести ради жеста

ветер бьётся взвыл и замер
как в предчувствии разлуки
эти тени под глазами эти медленные руки

побелеет дом наш дачный
память снега всё острее
круг вращается наждачный всё быстрее и быстрее

ЗНАЧИТ – ЖИВЫ

Ещё бывает больно, и возможно
от боли мы когда-нибудь ослепнем,
покинем позолоченные склепы
и наугад пойдём по бездорожью.

и будет серый предрассветный пепел
казаться снегом путникам незрячим.
без примесей и смесей, наудачу,
на ощупь – мы его покрасим белым.

научимся не верить предсказаниям,
любить не то, что есть, а то, что любим,
и верить в Бога, потому что – люди,
и верить в то, что только что сказали.

Поводырям не доверяясь лживым,
мы выбираем путь, уже – не цели,
не цепи, не дворцы, не карусели...
Ещё бывает больно. Значит – живы.